

1. «Ich sterbe...»

...5 июня 1904 года Антон Павлович Чехов с женой приехал в Берлин. Вот первые и не переменявшиеся его впечатления от Германии: четкость и честность, дешевизна жизни, хозяйственность и чистота, замечательные хлеб, масло, пиво, баранина и овсянка — и столь же совершенное отсутствие вкуса в нарядах немецких дам. «Здоровье ходит не золотниками, а пудами», — так писал он спустя несколько дней уже из Баденвейлера (всегдашнее немецкое и нынешнее русское произношение — Баденвайлер), очаровательно-спокойного курорта в Шварцвальде, ровно на полпути между немецким Фрейбургом (Фрайбургом) и швейцарским Базелем.

Два последних чеховских письма отсюда датированы 28.06.1904: застигнутый врасплох жаром, Чехов жалуется и на свою поднявшуюся температуру, и на одышку, и на желудок, и на Баденвейлер («что за отчаянная скучища этот немецкий курорт!...»), и, как обычно, — «ни одной прилично одетой немки, безвкусица, наводящая уныние».

Более писем он уже не писал. В три часа утра 15 июля 1904 года, ослабленный внезапным натиском своих болезней (возглавляемых туберкулезом), попросив и осушив бокал шампанского, со словами: «Ich sterbe...» — Чехов умер.

2. Жил или умер?

На балконе баденвайлерского санатория висит мраморная доска. Надпись: «Здесь жил Антон Чехов. В июле 1904 года». Истинный шедевр политкорректности — учитывая то, что именно здесь Чехов умер.

Подоплека надписи прозрачна: ничто не может «скомпрометировать» курорт больше, чем увековеченный факт смерти отдыхавшего на нем лица, будь оно хоть тысячу раз Чеховым! (Этот ход мысли еще не раз вмешивался в процесс привыкания города к памяти Чехова, умершего здесь безо всякого согласования с магистратом.)

Идея поставить здесь Чехову памятный знак принадлежит К.С. Станиславскому, а заслуга ее осуществления — включая финансирование и преодоление ханжества означенного свойства — русскому при баденском дворе посланнику Д.А. фон Эйхлеру.

Тогда же хозяин отеля «Зоммер» на свои средства соорудил упомянутую доску (Первая и Вторая мировые войны дважды вынуждали его снимать ее и припрятывать, но каждый раз по их миновании доска аккуратно водружалась на место!).

Памятник вышел комом, а точнее ломом. В августе 1918 года, наплевав на герцогские гарантии, центнеры бронзы, бывшие ранее Чеховым, в высших интересах германских вооружений отправили на переплавку. Едва ли из них успели отлить пушки: до капитуляции Германии оставалось совсем недолго.

К открытию Чеховского конгресса 1985 года был разыскан и расчищен постамент старого памятника с полустершейся надписью: «А. Чехов. Ум. в Баденвайлере в 1904». Этим постаментом воспользовались в 1992 году. Стараниями энтузиастов и ценителей Чехова с острова Сахалин (в частности, ныне покойного Г.И. Мироманова — председателя Сахалинского общества им. А.П. Чехова и директора Музея книги А.П. Чехова «Остров Сахалин») был заказан, создан скульптором В. Чеботаревым, отлит и доставлен в Баденвайлер новый бронзовый бюст. (К сведению возможных реkvизиторов: его чистый вес — около двух тонн.)

3. Чехов-платц

Традиция дарений была продолжена в июльские дни 2004 года, объявленного здесь Годом памяти Чехова. Программа мероприятий началась в мае и завершится в конце октября. Ее главный спонсор — Министерство культуры земли Баден-Вюртемберг.

Кульминация пришлась, естественно, на 15 июля. В четыре часа

полудни бургомистр Баденвайлера К.О. Энглер и мэр Таганрога Н. Федянин заложили символический вишневый сад. К одному деревцу из Шварцвальда добавили два саженца из Чеховского сада в Таганроге. Проблемы приживаемости, как сообщил нам таганрогский мэр, не возникнет, поскольку оба города лежат практически на одной широте (в 2002 году оба мэра подписали соглашение о сотрудничестве в области культуры).

Затем события перенесли на треугольник площади перед зданием, где умер Чехов (сейчас в нем восстановительная клиника «Парк-Терме»). Сама площадь отныне будет носить имя Чехова, и украшать ее будет скульптура Чайки. Скульптура — под стать городу и площади — невелика и представляет собой фрагмент золотистого занавеса на полом серебрястом постаменте-трубе: чайка — образ чеховской души — как бы соскользнула со мхатовского занавеса и устремилась в бессмертие. Немного банально и перекликается с «Принцессой Турандот» на Арбате, но и без цетелиевской аляповатости. «Чайка» скульптора А. Таратынова, проживающего в Амстердаме, подарена Баденвайлеру Свердловской и Ростовской областями (первая — побратим Баден-Вюртемберга, а вторая рассматривает Чехова как русского человека с гражданской позицией, родившегося в Ростовской области), а также ТНК «Россия».

В самой России вековины чеховской смерти отмечаются с подчеркнутой сдержанностью. Федеральная власть от этого юбилея самоустранилась, избавив нас от помпезности и безвкусицы. Родина прочла Чехова как жанр — не более того.

Государственное же участие было отдано на откуп «чеховским» регионам, и они-то с удовольствием съехались на свой съезд в Баденвайлер. Неучастие в нем федерального министра культуры (А. Соколов был объявлен в программе, но в последнюю минуту отказался) в этом смысле вполне логично.

Несколько таганрогских саженцев вишни посадили в Москве. Но Москва-то уж точно расположена на другой широте. Тут торжествует, тут пухнет и пахнет его ничтожество — коммерческий постмодернизм. Знатный режиссер Андрон Кончаловский делится со зрителем новым пансексуальным видением «Чайки» — плевков на могилу автора. Другой знаток, пользуясь служебным положением мелиховского директора, роется в чеховской переписке, как папарацци в нижнем белье, и выдает на-гора отчет о донжуанстве писателя («Тайны любви, или Кукуруза души моей» Юрия Бычкова). Еще один плевков...

4. Чехов-туризмус

Из рассказанного ясно, что для увековечения памяти Чехова

Газпром российской культуры

Две мировые войны
Чехов прожил в подполье
Баденвейлера

Ну а вечером в зале курхауза состоялось торжественное заседание. Немцы как гостеприимные хозяева расточали комплименты и слова благодарности Чехову и гостям, а гости — Чехову и хозяевам. Домашние заготовки россияне были, как правило, казенными и бесцветными («все прогрессивное человечество»), а экспромты — косноязычными («спасибо всем, кто имел участие к этому событию»). После недавнего подписания в Москве миллиардного российско-немецкого соглашения по газу, многих заносило в вопросы народного хозяйства. И Чехов невольно и нелепо смотрелся в этом контексте этаким «газпромом культуры».

Серьезно прозвучали разве что почитательски выстраданные слова посла России в Совете Европы А. Петрова: Чехов угадал женственный характер русской интеллигенции.

В целом же событие носило, к сожалению, скорее политико-дипломатический, нежели общекультурный характер. Вдруг стало ясно, что не Москва и не Ялта, не Таганрог и не Мелихово, а именно крошечный Баденвайлер стал его основным и истинным центром. И дело тут не только в биографическом императиве.

сделал Баденвайлер. А что же для Баденвайлера сделал Чехов?

Вопрос этот для Баденвейлера весьма серьезный.

Это первоклассный гидротермальный и бальнеологический курорт с репутацией и традицией, восходящей еще ко временам Римской империи, стал жертвой реформы больничного страхования в Германии. В начале 1980-х гг. годовое число ночевков здесь зашкаливало за миллион, а сейчас оно упало вдвое.

Бренд «Чехов» является одной из надежд города, но результаты его, как рассказал нам бургомистр, пока что скромны: дневной туризм действительно заметно прибавил — и именно за счет русских туристов и поклонников Чехова, а вот на ночь в городе туристы не остаются.

Может быть теперь, когда на в Баденвайлере появился вишневый сад, а на Чехов-платц угнездилась чайка, у кого-то и появится желание остановиться здесь на подольше?!

● Павел НЕРАЕР,
доктор исторических наук
г. Баденвейлер